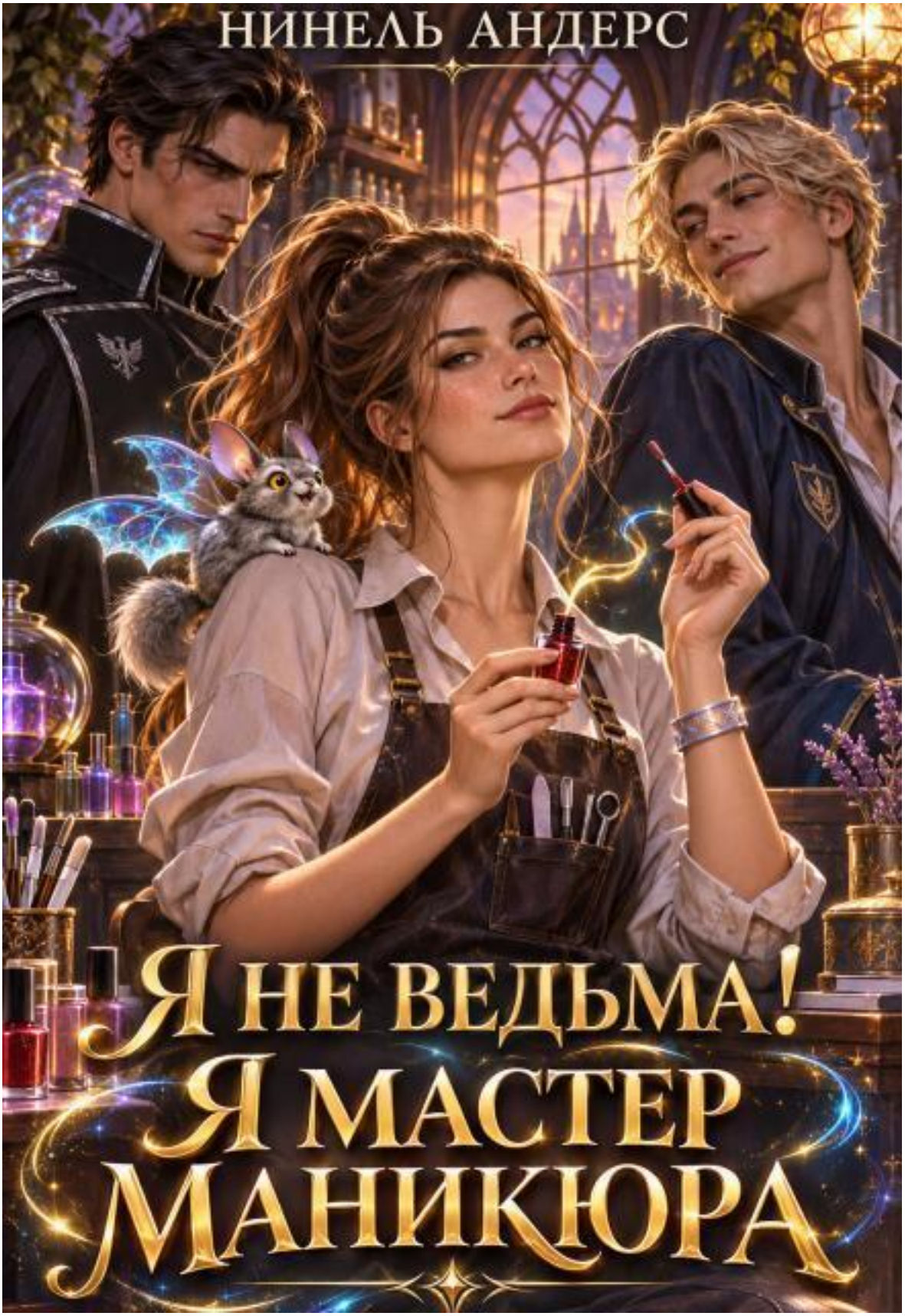

НИНЕЛЬ АНДЕРС
Я НЕ ВЕДЬМА!
Я МАСТЕР МАНИКЮРА

Нинель Андерс

Я не ведьма! Я мастер маникюра

«Литнет»
2026

Андерс Н.

Я не ведьма! Я мастер маникюра / Н. Андерс — «Литнет», 2026

Меня затянуло в другой мир прямо с собственной кухни — в обнимку с рабочим чемоданом гель-лаков. Дома остались две дочки и ипотека, а здесь мне без спроса откатили возраст до двадцати двух лет, повесили на руку браслет надзора и выдали штамп «магический брак». Камни от моих рук не светятся, а пока не докажешь академии свою пользу — портал домой не откроют.Что ж, я не ведьма. Я мастер маникюра с десятилетним стажем! Если местная магия не работает по уставу, она будет работать по моим правилам!Мне нужно лишь выбить допуск к переходу и не сойти с ума, когда собственное омолодившееся тело вдруг вспоминает, каково это — терять голову. Ведь по пятам за мной ходит ледяной, опасный инспектор, от одного голоса которого перехватывает дыхание, а прикрывать мои авантюры берётся слишком горячий и взрослый для своих лет старшекурсник, не привыкший отступать.Главное — вырваться к детям раньше, чем этот мир окончательно купит меня новой молодостью и чужими объятиями.

© Андерс Н., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Маникюр и психотерапия 5
Глава 2. Я делаю ногти, не чудеса 10
Глава 3. Мистическая корреспонденция 14
Глава 4. Родительский чат как портал зла 18
Глава 5. Игнор — тоже стратегия 22
Глава 6. Сервис с побочными эффектами 26
Глава 7. Сначала ужин, потом апокалипсис 29
Глава 8. Переход оформлен неправильно 33
Глава 9. Коррекция внешности без согласования 36
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Глава 1. Маникюр и психотерапия

Я пилю ноготь, слушаю ровный шорох пилки и стараюсь не думать. Сложная задачка, между прочим. А включать мозг мне сейчас категорически нельзя, у меня и так в голове очередь, как в регистратуру поликлиники.

Кабинет маленький, но свой. Лампа светит белым, на столе ровно стоят флаконы, кисточки лежат по местам. Этот кабинет — мой спасательный круг. Единственное место, где мир хотя бы притворяется управляемым.

Рядом вибрирует телефон. На экране — школьный чат. Кто бы сомневался. Классный руководитель: *«Уважаемые родители, напоминаю…»*

Я не читаю дальше. Уважаемые родители — это когда у кого-то есть свободное время и нервы безлимитные. А у меня — две дочери и запись на месяц вперёд.

Клиентка сидит напротив тихо, что уже необычно. Чаще у меня тут трещат без умолку, рассказывая всё, что надо, и то, что лучше не рассказывать вообще никому. Я привыкла: маникюр — это официальная услуга, всё остальное идёт бонусом. Психолог на минималках, без диплома и с пилкой в руках.

Эта новенькая, первый раз пришла. Можно было бы списать на стеснение, но что-то мне подсказывает, что она по жизни такая. Спину держит настолько ровно, словно ждёт удара. Руки аккуратно сложены, плечи подняты. И ногти… ну, как бы помягче сказать…

Обгрызены. До самого мяса, так, что пилить-то почти нечего. Кутикула сорвана, кожа вокруг красная и воспалённая.

— Простите… — шепчет она. — Они ужасные, да? Я старалась не трогать, но…

— Они не ужасные, — успокаиваю я, стараясь, чтобы голос звучал как можно мягче. — Они уставшие. Как мы все.

Поднимаю взгляд. Лицо обычное, симпатичное. Взрослое. Глаза тревожные: недосып и вечная готовность оправдываться.

Я автоматически оцениваю фронт работ. Старого покрытия тут, понятное дело, нет. Значит, беру самую мягкую фрезу, чтобы чуть зачистить и лишний раз не лезть — иначе будет больно.

— Ничего страшного. Сейчас приведём в порядок. Только не дёргайте пальцы, ладно?

Она нервно улыбается и протягивает руку послушно, как на приёме у врача. Я машинально смотрю на вторую — пальцы тонкие, красивые. Если их не грызть, будут как у рекламной модели. Я, кстати, всегда оцениваю руки. Это не снобизм. Это профдеформация. Как у сантехника — трубы.

Телефон снова вибрирует. Уже не чат.

Валя: *«мам, я забыла физру»*

Валя: *«мне что делать»*

Вздыхаю про себя. Сердце всё равно ёкает — мелкая же, расстроилась поди, стоит там перед физруком, глаза на мокром месте. Нет, сегодня я не буду мемом «мать в стрессе». Не буду!

Клиентка косится на телефон и снова сжимается — виновата заранее.

— Извините, я… я не вовремя?

— Вы вовремя, — отвечаю.

— Это у жизни вечные накладки.

Я абстрагируюсь от всех шумов и проблем на целых две секунды, потому что мне нужна тишина. Хотя бы на такой короткий срок. Возвращаюсь к работе: отодвигаю апельсиновой палочкой то, что осталось от кутикулы, аккуратно прохожусь фрезой еле касаясь, обезжириваю

и кладу тонкий слой эластичной базы. В этом автоматизме есть что-то успокаивающее: руки заняты — голова молчит.

Клиентка смотрит на мои пальцы, не отводя глаз. Наверное, ждёт, что мои руки сейчас объяснят ей, как надо жить. И да, руки у меня ухоженные. Это моя гордость, мой флаг и моя маленькая территория, где всё под контролем. Когда жизнь разваливается, ногти у меня всё равно ровные.

— У вас такие… красивые руки, — говорит она чуть тише. — Я бы так хотела. Но у меня постоянно… срывается.

— Ухоженные руки — это не талант, — говорю я. — Это привычка. И немного упрямства.

Она улыбается осторожно, словно радость у неё под запретом.

— У вас так тут всё… аккуратно, — добавляет она. — Прямо… спокойно.

Я хмыкаю, не поднимая головы. Спокойно — это когда у тебя есть деньги на карте, сваренный борщ в холодильнике и кто-то, кто может забрать ребёнка из школы без драмы. У меня есть только расписание, ипотека и привычка не разваливаться при свидетелях.

— Аккуратно — да. Спокойно — не обещаю.

Я наношу цвет. Нюд, нежный, почти невидимый. Такой выбирают, когда хочется исчезнуть, но при этом выглядеть прилично. И тут экран вспыхивает снова:

Валя: *«мам, а если я скажу что забыла дома»*Валя: *«меня будут ругать?»*

Я зависаю на секунду.

— В лампу, пожалуйста, — говорю клиентке.

Пока таймер начинает отсчёт, я быстро хватаю телефон и включаю режим «мама-диспетчер», стараясь вложить в буквы всю поддержку, на которую сейчас способна.

Я: *«Не будут. Скажи правду, Анатолий Иваныч добрый»*

Я: *«Вечером проверим портфель вместе»*

Клиентка смотрит на меня с тихим участием.

— У вас дети? — осторожно спрашивает она.

— Две, — отвечаю, откладывая телефон и принимаясь за её вторую руку. — Восемь и тринадцать лет.

Телефон тут же, как назло, вспоминает, что он тоже участвует в воспитании. Лера. Старшая. Собирается на вторую смену.

Лера: *«мам»*

Лера: *«где моя чёрная кофта»*

Лера: *«та которая нормальная»*

Я закрываю глаза на секунду. Одну. «Сил моих нет», — проносится в голове, но я снова отправляю руку клиентки сушиться и быстро печатаю:

Я: *«Лер, ну в шкафу же на твоей полке. Слева. Под серой толстовкой»*

Я: *«И она НЕ „нормальная“, а чистая и поглаженная»*

Я: *«И не забудь ключи, умоляю, я тут до вечера!»*

Клиентка смотрит на меня с каким-то странным уважением.

— Вы… всё успеваете.

— Я успеваю, потому что выбора нет, — говорю честно и снова беру её руку. — Держите ровно.

Она молчит, потом тихо спрашивает:

— А папа… помогает?

Я выдыхаю через нос. Сдержанно. По-взрослому. Подбираю формулировку, чтобы не расплескать на чужого человека свои обиды на бывшего.

— Папа иногда присутствует в природе. Как комета. Вроде есть, но рассчитывать на неё в быту — занятие для оптимистов. Алименты платит, и на том спасибо.

Я ровняю слой, слежу, чтобы не затекло на воспалённые валики. Клиентка чуть расслабляет плечи, совсем немного, но это не укрывается от моего внимания.

— Вы не устаёте? — вдруг спрашивает она. — Ну… так жить? Работа, дети, всё на вас…

Я не отвечаю сразу. Выравниваю ногтевую пластину, веду кисточкой медленно, по привычке — туда, где всё под контролем.

— Устаю, конечно, — говорю я наконец, без всякой рисовки. — У одной семь пятниц на неделе и танцы, у другой то физру забыла, то поделку из шишек на завтра надо. Дурдом на выезде иногда. Но девчонки у меня хорошие.

Клиентка тихо хмыкает, потом опять становится серьёзной.

— А вы одна?

Я не люблю этот вопрос.

— Разведена, — говорю коротко. — Справляемся.

Добавляю каплю базы на выравнивание. В свете лампы видно всё: каждый заусенец, каждое «я просто немного нервничаю».

— Простите, если я лезу… — начинает снова она и тут же запинается. — Просто… вы такая спокойная. Я смотрю на вас и думаю, что вы, наверное, всё умеете держать под контролем.

Я почти улыбаюсь. Почти. Спокойная? Да у меня внутри иногда всё так колотится, что валерьянку литрами пить впору. И ладони потеют, когда за коммуналку квитанции приходят. Просто реветь на людях отучилась.

— Я не спокойная. Я привычная.

Она молчит, и я чувствую, как ей хочется сказать что-то ещё. Ей нужно. Ей давно нужно. И она всё-таки решается:

— У меня… мужчина. Он не бьёт, нет. Он просто… — она подбирает слова, мнёт их, как бумагу. — Он всё время говорит, что я слишком... Слишком чувствительная. Слишком медленная. Слишком… не такая. И я вроде понимаю, что это неправильно, но потом думаю: а вдруг правда? Вдруг со мной что-то не так?

Я продолжаю работать, но внутри у меня что-то неприятно дёргает. Знакомая песня.

— С вами всё так, — говорю ровно. — Если кому-то всё время не нравится, какая вы, ему, возможно, не вы нужны. Ему нужен кто-то, кого можно под себя согнуть. Кому-то просто нужны удобные люди.

Слова выходят резче, чем я планировала. Я это слышу. Она тоже слышит. И не обижается — наоборот, ей явно стало легче от честности.

— У меня всё время такое ощущение, что я неправильно живу, — говорит она. — Понимаете? Как будто есть какая-то инструкция. Всем выдали. А мне — нет.

Я веду кисточкой от кутикулы к свободному краю.

— А кто вам сказал, что вы неправильно? — уточняю, не глядя на неё.

Она молчит слишком долго. Ответ явно живёт в ней давно гвоздём.

— Он, — признается наконец. — Не прямыми словами. Но… постоянно. Что я слишком много хочу. Что я слишком переживаю. Что я… неудобная.

Я чуть не фыркаю.

— Слово-то какое подобрал — «неудобная». Это туфли бывают неудобные, когда жмут. Пальто бывает неудобное. А вы живой человек. Чего вы сами хотите?

Она теребит край рукава.

— Я не знаю, — и тут же поправляется, быстро: — То есть знаю. Но это глупо.

Я отрываюсь от работы и смотрю на неё.

— Глупо — это когда вы себе не нравитесь, но продолжаете жить так, чтобы нравиться кому-то другому.

Она смотрит на свои ногти, на слой, который ложится ровно-ровно, скрывая всё, что было изгрызено. Потом поднимает глаза — и в них появляется то самое, из-за чего люди приходят к мастерам снова и снова. Доверие.

— Можно… вопрос?

— Можно, — отвечаю, хотя внутри автоматически: «только бы не про скидку».

Она молчит секунду. И говорит очень тихо, но прямо — так, как говорят не клиентки мастерам, а женщины женщинам:

— Ты вообще когда-нибудь жила для себя?

У меня кисточка зависает в воздухе. Я хочу отшутиться. Перевести на цены, на погоду. На то, как важно мазать кутикулу маслом на ночь. На что угодно безопасное. Но почему-то ком в горле встаёт.

Как это — «для себя»? Это что, проснуться и не подрываться варить кашу? Не проверять электронный дневник? Не считать дни до зарплаты? Просто проснуться, потянуться в тишине и ни за кого в этом мире не отвечать? Просто лежать, смотреть в потолок и дышать?

От одной этой мысли внутри вдруг стало так сладко и так жутко одновременно, что у меня похолодели руки. Словно я предаю Лерку и Валюшку прямо сейчас, только тем, что на одну жалкую секунду захотела побыть без них. Захотела исчезнуть.

— Когда-нибудь… — отвечаю я на рефлексе, хрипловато.

Я ставлю её руку в лампу и продолжаю наносить цвет на другую — подчёркнуто аккуратно, чтобы не дрогнула линия у кутикулы. Потому что если я сейчас остановлюсь и посмотрю ей в глаза, мне придётся признать одну страшную вещь: я даже не помню, что значит «для себя».

Клиентка молчит. Просто смотрит на свои руки — и впервые за долгое время не пытается их спрятать.

А потом выдаёт:

— А давайте лучше в винный! Можно же?

— Красиво будет, — говорю я деловым тоном, будто мы обсуждаем исключительно маникюр. — Вам пойдёт.

А сама утыкаюсь взглядом в её ногти и думаю: а мне вообще что пойдёт? Кроме усталости и графика без выходных.


Ninel Anders

Глава 2. Я делаю ногти, не чудеса

Клиентка уже почти успокоилась. Я вижу такие изменения лучше любого психолога: по тому, как её пальцы перестают нервно подрагивать, а кисть ложится на мою ладонь не опасливо, а доверчиво и расслабленно.

— Вам правда идёт, — уверяю я, больше по привычке, чем из вежливости. Осенний, глубокий винный оттенок действительно вытянул её короткие ногти, сделал руки изящнее.

Она смотрит на покрытие как на чужое. Как на версию себя, у которой всё в порядке.

— Спасибо, — отвечает негромко, а потом добавляет так же тихо: — У вас… руки уверенные.

Я хмыкаю, пододвигая к себе флакон с финишным покрытием.

— Руки — да. Всё остальное — как получится.

Стряхиваю лишнюю каплю о горлышко флакона и наклоняюсь ближе, чтобы перекрыть ноготь топом.

И тут я замечаю под прозрачным слоем тонкую темную линию.

Она не похожа на прилипший волосок или случайную ворсинку. Это абсолютно ровная, геометричная черта, проступающая прямо из-под цветного гель-лака. На долю секунды линия ломается под углом, сплетаясь в сложный, незнакомый символ.

— Вы рисовали что-то на ногтях до меня? — спрашиваю машинально, замирая с кисточкой в воздухе.

— Нет, — тут же пугается клиентка. — Я… я даже не умею. Я вечно всё порчу.

Я моргаю, меняя угол зрения под лампой. Символ исчезает. Поверхность снова идеально ровная, однотонная и глянцевая.

Отлично. Здравствуй, оптическая иллюзия и четырнадцатичасовая смена.

— Всё нормально, — бормочу я, закручивая флакон. — Свет так упал. Блик. Давайте сушить. Руку ровно, не заваливаем.

Она послушно отправляет кисть в LED-лампу. Автоматика срабатывает, внутри загораются привычные синие диоды таймера.

Я тянусь за безворсовой салфеткой, как вдруг аппарат тихо, противно щёлкает. Синее свечение диодов на секунду гаснет, а затем вспыхивает странным янтарным светом, похожим на жидкий мёд.

Клиентка резко напрягается. Кожа на её костяшках белеет.

Первая мысль бьет по профессиональным рефлексам: материал дал термическую реакцию!

— Жжёт?! База печёт?! — я подаюсь вперёд. — Вытаскивайте быстро, не терпеть! Переворачивайте ладонь!

Она не двигается.

А в следующую секунду прямо из-под её ногтей внутри лампы брызгают крошечные огненные искры. Они пляшут по пластику, как разряд статического электричества, но в лицо мне тут же бьет резкий запах серы — так пахнет только что зажженная каминная спичка.

Меня окатывает липкой паникой. Закоротило! Китайская проводка сейчас спалит клиентке пальцы до костей!

— Руку! — рявкаю я, бросаюсь под стол и со всей дури, едва не свернув розетку, выдёргиваю шнур питания из сети.

Лампа мгновенно тухнет. Искры пропадают.

Сердце колотится где-то в горле. Я перехватываю её кисть обеими руками, судорожно осматривая пальцы, готовясь увидеть вздувшуюся от ожога кожу, оплавленный лак или копоть.

Покрытие на месте. Идеальный глянец. Ни красноты, ни волдырей. Пальцы просто тёплые — но это мягкое, живое тепло, словно она держала руки над остывающими углями.

Я поднимаю на неё ошалелый взгляд, ожидая крика, истерики, угроз судом. Но тревожная, забитая женщина сидит абсолютно неподвижно. Её лицо вдруг поразительно разглаживается — уходит упрямая складка между бровей, опускаются вечно зажатые плечи. Дыхание становится глубоким и ровным.

— У меня… огонь? — спрашивает она практически одними губами.

— Короткое замыкание, — отрезаю я, стараясь, чтобы голос не дрожал. Профессиональный инстинкт берёт управление на себя: не разгонять панику. Свести к бытовухе. — Диоды перегорели. Скачок напряжения в сети, статика от свитера дала искру. Испугались?

Она медленно качает головой.

— Мне не больно, — произносит она с искренним удивлением. — Мне даже… легче.

Звучит как бред, но бред сейчас лучше пожарной тревоги. Я заталкиваю сгоревшую лампу на край стола, лезу в нижний ящик и достаю запасную, старенькую «SUN», которая всегда лежит там на крайний случай. Втыкаю её в другой удлинитель.

— Досушим в этой. На минимальной мощности, — командую я. — Кладите.

Мы заканчиваем в звенящей тишине. Я снимаю липкий слой, капаю масло на кутикулу, втираю короткими, заученными движениями. Мои собственные руки мелко потряхивает, но я прячу это за привычной суетой.

— Всё. Дома не ковырять, — дежурно чеканю я. — Если появится краснота, начнёт чесаться или греться — пишите сразу, снимем.

Она кивает. Поднимается с кресла. Переводит мне оплату по номеру телефона, надевает пальто. Движения у неё стали плавными, без прежней нервной суеты.

У самой двери она берётся за ручку и вдруг замирает.

Её спина выпрямляется. Она медленно поворачивает ко мне лицо — взгляд абсолютно пустой, остекленевший, будто она смотрит сквозь меня на пыльные жалюзи.

— Вам должны были написать, — произносит она лишенным интонаций голосом, от которого у меня по спине пробегает холодок. — Обычно сначала так… проявляется.

— Что? Кто должен написать? — хмурюсь я.

Она моргает. Раз. Другой. Стеклянная пелена спадает с глаз, плечи снова испуганно дергаются вверх. Она смотрит на меня с неподдельным ужасом, явно не понимая, где находится и что только что слетело с её губ.

— Ой… простите, — лепечет она, комкая ремешок сумки. — Я не знаю, к чему это. Вообще из головы вылетело. Извините ради бога! Спасибо вам!

Дверь хлопает. Я остаюсь одна.

С полминуты я просто стою посреди кабинета, глядя на отключенную от сети сгоревшую лампу, как на бомбу замедленного действия.

«Короткое замыкание. И переутомление. Клиентка с приветом», — мысленно проговариваю я.

Сначала порядок на столе, потом в голове. Заученный алгоритм уборки всегда возвращает на землю. Отработанные пилки — в контейнер. Фрезы — в дезраствор. Поверхность стола — антисептиком, по кругу, с нажимом, стирая липкую пыль и саму память об этих чертовых искрах.

Я тянусь к пластиковому боксу за безворсовыми салфетками, но пальцы скребут по дну — кончились.

Склоняюсь к нижнему ящику тумбы. Достаю новую, запаянную заводскую упаковку салфеток. Целлофан сидит плотно, без единого зазора. Я поддеваю ногтем тугую слюду, с треском распарывая пленку сбоку.

Вместе с первой стопкой розовых квадратиков из плотно спрессованной заводской пачки на стол выпадает что-то тяжелое.

Оно шлепается на стекло с мягким стуком.

Я опускаю взгляд.

Это кремовый конверт из дорогой фактурной бумаги. Без почтовых марок, без адресата. Вместо обратного адреса на клапане застыла сургучная печать с тисненым геометрическим символом — точь-в-точь таким, какой я видела под слоем топа пятнадцать минут назад.

Я вытираю ладони о фартук и осторожно беру его двумя пальцами.

Конверт тёплый. Не от батареи. Он греет кожу так, словно внутри лежит нагретая на солнце монета.

— Супер, — произношу я вслух в звенящую тишину кабинета. — Мистическая корреспонденция прямо из полиэтилена. Отличный сервис.

Если я вскрою его, ничего не изменится. Очередная дурацкая шутка. Рекламный флаер эзотерического салона за углом.

Я поддеваю пальцем край клапана и срываю печать. Разворачиваю бумагу и заглядываю внутрь.

Пусто.


Ninel Anders

Глава 3. Мистическая корреспонденция

Я даже пальцем провожу внутри, на случай, если там прилипла записка или кто-то вложил чек и забыл. Шершавый картон, ровные швы.

Конверт без вложений. Прямо премиум-уровень, как приглашение на дорогую свадьбу. Только пусто.

Я обвожу кабинет взглядом: дверь закрыта, чужих вещей нет. Никто не сидит за шторой. Никаких «я на минутку забежала». И всё равно конверт здесь.

Беру телефон и набираю Лену — администратора в соседней студии, у неё ключ от моей двери на случай потопа и прочих форс-мажоров.

— Лена, ты ко мне сегодня не заходила?

— Марин, ты чего? Нет. Я вообще на педикюре сидела, — зевает она. — А что?

— Да так. Ничего, Лен. Показалось.

— Ты поела хоть? — спрашивает она уже по-маминому.

— Я мастер маникюра, Лена. Я питаюсь кофе и стрессом. Ладно, давай.

Сбрасываю, пока она не начала спасать меня от переработок. Смотрю на часы. Потом вспоминаю про детей: ужин, уроки, «где ты», «что есть», «я не нашла». Мне некогда. У меня нет времени выяснять, как эта картонка попала в мою студию.

Я беру конверт снова и решаю сделать с ним единственное правильное: выкинуть. Он мнётся с трудом, упруго держит форму, как хорошая плотная фольга. Сминаю его в комок с усилием и бросаю в пластиковое мусорное ведро под столом.

Всё. С глаз долой.

Отложив палитру с типсами, чтобы убрать её в ящик, я вдруг замираю. На краю, на белом пластиковом «ногте», где я точно ничего не рисовала, проступает тонкий отпечаток. Как след от тиснения. Едва видная линия, которая ловится только под углом.

Я наклоняю типсу к свету лампы. Линии складываются в знакомую форму — ту самую, которую я недавно видела на руках новенькой.

— Так, — шепчу я себе. — Отлично. Переработала. Дурдом на выезде.

Беру ватный диск со спиртом и протираю типсу. Линия исчезает… но остаётся еле заметная вмятина. Как если бы кто-то с силой продавил знак металлическим пушером. Я шумно выдыхаю.

— Всё. Хватит с меня на сегодня. Домой.

Телефон вибрирует.

Лера: *«мам ты где»*

Лера: *«я дома»*

Лера: *«мне есть что»*

Я закрываю глаза на мгновение. Вот она, моя настоящая магия: исчезающие котлеты и вечно пустой холодильник. И если «что-то» очень хочет прописаться в моей жизни — пусть сначала скинется на коммуналку.

Я выключаю свет, собираю сумку, проверяю, всё ли на месте. Закрываю кабинет. Дёргаю ручку. Ещё раз. И ещё — потому что мозг не верит рукам, когда день такой сумасшедший.

Дома в прихожей меня ждёт привычная картина: рюкзак на полу, второй рюкзак на первом рюкзаке, и чей-то кроссовок посреди коридора, как доказательство, что дети умеют размножать вещи без участия взрослых. Сразу видно — дети дома.

Закрываю дверь плечом, потому что руки заняты пакетом с продуктами. Ставлю пакет на пуфик, открываю сумку, чтобы бросить туда ключи… и замираю.

Рука натыкается на что-то гладкое. Пальцы сами вытягивают это на свет прихожей. Белый картон. Ровные швы.

Конверт. Тот самый. Идеально гладкий, без единой складочки и вмятинки, хотя я своими руками скомкала его и бросила в мусорное ведро в кабинете. И он… тёплый. Чуть заметно греет ладонь, словно только что лежал под УФ-лампой.

Сердце ухает куда-то в желудок. Волоски на руках встают дыбом. Это не шутка Лены. Это не показалось.

Я смотрю на закрытую дверь в детскую, откуда доносится смех Вали, потом снова на конверт. Липкий страх накатывает волной. Только не в мой дом. Только не к моим девочкам.

Я разворачиваюсь, как ошпаренная, бью по ручке входной двери, выскакиваю в подъезд, даже не переобувшись. Сбегаю по ступенькам на первый этаж, распахиваю подъездную дверь и бегу к уличным бакам. Ночной воздух бьёт по лицу, пока я швыряю эту чертовщину в самый вонючий железный контейнер. Туда, где гниют арбузные корки и старые пакеты.

— Пошло вон, — шепчу я, тяжело дыша.

Возвращаюсь в квартиру на ватных ногах. Запираю замок на все обороты. Прислоняюсь к двери и пытаюсь унять колотящееся сердце.

— Мам, — кричит Лера из комнаты. — Я… это… я не помню, что задали.

— Отличное начало, — отвечаю я, стягивая ботинки всё ещё дрожащими руками. — Так и живём.

Один ботинок падает на бок, второй я аккуратно ставлю — иллюзия порядка, за которую сейчас отчаянно цепляется мозг.

Валя появляется в коридоре как новостная лента — сразу вся и без пауз.

— Мам, у нас завтра физра, и мне нужны чёрные штаны, но не те, а другие, и я потеряла штуку от пенала, ну эту, ну ты знаешь, и суп я не люблю, но если ты скажешь, что надо, я буду, только можно без моркови?

Я киваю на автомате, радуясь этому потоку болтовни как спасению.

— Штаны найдём. Штуку — тоже. Суп — с морковью, — говорю я, проходя мимо неё на кухню.

— Ну ма-а-а-ам…

— Валя, без разговоров. Иди мой руки.

На кухне пахнет горелым. Лерка опять забыла свой сухарь в выключенном тостере. Обугленный кусок хлеба торчит из слота, как памятник детской невнимательности.

Я выбрасываю уголёк в мусорку, открываю окно, потом ставлю чайник, достаю кастрюлю. Здесь всё подчиняется понятным законам. Включил конфорку — кипит. Посолил — солёно. Забыл хлеб — сгорел. Никаких сюрпризов.

Странный тёплый конверт в сумке… Нет. Я не буду об этом думать. Я выбросила его, и точка. Я верю в это ровно столько, сколько нужно, чтобы налить детям суп и не развалиться по дороге от плиты к столу.

— Ешьте, — говорю, ставя тарелки. — Потом уроки.

Лера сидит, уткнувшись в телефон, и делает вид, что между ложкой и экраном существует гармония.

— Я ем, — говорит она, не поднимая глаз.

— Ты смотришь, как ешь, — уточняю я.

— Очень сложный процесс, между прочим, — бурчит она, но экран гасит.

Я сажусь напротив, наконец позволяя себе выдохнуть. Валя ковыряет суп, вылавливая морковь с мега серьезным выражением лица.

— Валя, прекращай операцию по спасению морковки из тарелки, ешь давай, — говорю я устало, но с улыбкой.

Она вздыхает и героически отправляет кусочек в рот.

Я ловлю себя на привычном, бытовом раздражении от этих кроссовок в коридоре, уроков и моркови в супе, и вдруг отчаянно радуюсь ему. Раздражение нормальное. Понятное. Значит, и вечер будет нормальный. Завтра отпустят нервы, и всему найдётся логичное объяснение.

А всё остальное — потом. Или никогда. Что, в общем, почти одно и то же.


Ninel Anders

Глава 4. Родительский чат как портал зла

Я решаю завести тесто на утренние блинчики. Потому что иногда мне кажется, что я живу на сплошном автопилоте, и если с вечера напечь блинов — будет ощущение, что я нормальная, заботливая мать, а не просто белка в колесе, которая только и умеет, что раздавать указания.

Достаю из холодильника молоко, яйца. Блендер стоит на столешнице. Закидываю всё туда, сыплю муку и сахар на глаз. Закрываю крышку с привычным щелчком, нажимаю кнопку, и кухню заполняет громкий, ровный гул. Внутри закручивается белая воронка, собирая комки муки в гладкую массу. В такие моменты кажется, что жизнь тоже можно так — нажал кнопку, всё перемешалось, и проблемы разгладились.

И ровно в тот момент, когда тесто становится однородным, по поверхности воронки на долю секунды проступает рисунок. Идеально симметричный. Чёткий до неуместности. Я не успеваю его рассмотреть, только фиксирую взглядом, но всё равно узнаю. Тот самый, со стола в кабинете.

Отдёргиваю руку от кнопки, словно меня ударило током. Блендер продолжает безразлично гудеть. Ему вообще плевать, что его владелица ловит глюки и, кажется, поехала кукушкой от переутомления. У него задача перемешивать.

Выключаю. Гул обрывается, и кухня снова становится обычной. Я снимаю крышку. Смотрю внутрь. Обычное блинное тесто. Мелкие пузырьки на поверхности. Никаких гербов, мистических знаков, откровений и глюков. Только будущий завтрак.

Ладно. Проверим. Я закрываю крышку обратно и вновь включаю. Воронка появляется — гладкая, ровная. И никакого рисунка.

— Молодец, — говорю блендеру тем же тоном, которым сегодня уговаривала Валю доесть суп. — Так и держи.

Я даже киваю ему, как разумному существу, которое решило вести себя прилично. И в этот момент я чувствую короткий укол в подушечках пальцев, как будто я только что сняла перчатки после долгой работы со злой химией, и кожа внезапно вспоминает, что она вообще существует. Чуть щекотно и неприятно.

Смотрю на свои руки. Обычные руки. Следы от муки. Я растираю пальцы, медленно, надеясь стереть это противное покалывание, если потереть достаточно сильно. Не получается.

Я отказываюсь об этом думать. Просто беру блендер, ставлю его аккуратно в раковину и стараюсь не смотреть на белую жижу. Потому что мне вдруг кажется, что если посмотрю — там снова что-нибудь сложится. К чёрту. Утром яичницу поедите.

— Мам, а ты можешь подписать? — Лера протягивает дневник с таким видом, будто он заразный. Держит двумя пальцами, за уголок, как что-то, что лучше к себе не прижимать. Вообще, я очень её понимаю. Кому приятно показывать замечания. Все оценки и домашка давно есть в электронном дневнике, но наша классная требует носить бумажный чисто для устрашения. Чтобы можно было ткнуть носом в красную пасту.

— Могу.

Я подписываю не глядя, но потом всё-таки замечаю. Замечание за разговоры на уроке. Вот вообще не удивила. Даже не спрашиваю «почему».

— Классика, — говорю я, возвращая дневник.

— Я не одна там разговаривала, — на всякий случай уточняет Лера, защищаясь.

— Я и не сомневаюсь. Просто ты — самая громкая.

Она хмыкает и уходит, унося с собой свой бумажный позор. Телефон в руке коротко, но настойчиво вибрирует. Родительский чат. Я открываю его машинально, большим пальцем, даже не глядя. Это уже рефлекс, как проверять, выключен ли утюг. Там привычный хаос. *«Кто*

заберёт костюмы?» «Напоминаю про взнос на воду» «У кого есть лишняя белая футболка 146-152???»

Сообщения наслаиваются друг на друга, мамочки галдят текстом, никто никого не слушает, но каким-то чудом всё работает. Я пролистываю, не вчитываясь, пока глаз не цепляется за строку. Сообщение от мамы Саши. Ира — обычная женщина, но всегда пишет капсом, словно орёт в рупор, и обязательно ставит кучу восклицательных знаков. Но сейчас у неё написано: «ЯВКА ПОДТВЕРЖДЕНА завтра к 8:15 не опаздываем»

Я моргаю. «Явка подтверждена» — это звучит так, будто мы не второклашек на экскурсию собираем, а в военкомат строимся или в секту вступаем. Я нажимаю на сообщение. Удерживаю, чтобы нажать «ответить», и тут, на долю секунды, прямо на белом фоне чата проступает тот самый знак. Как водяная печать, которую приложили к стеклу экрана изнутри.

Я резко блокирую телефон. Пальцы делают это быстрее, чем я успеваю испугаться. Стою на кухне, сжимаю погасший мобильник, и вдруг очень отчётливо слышу, как капает вода из крана в раковине. Кап. Кап. Хотя он плотно закрыт.

Снова нажимаю кнопку разблокировки. Экран загорается как ни в чём не бывало. Обычный чат. Обычные люди со своими бесконечными сборами на шторы. Только одно сообщение Иры всё такое же дикое.

Я делаю скриншот экрана с этой странной «явкой» и пересылаю Ире в личку, быстро печатая текст: «Ира, это что за шифровки? Какая ещё явка подтверждена?»

Ответ прилетает почти сразу: «Марин, ты чего? Я про завтра написала, чтоб не опаздывали. Какая явка?»

Я хмурюсь. Открываю прямо в нашей с ней переписке тот самый скриншот, который я ей только что отправила. Увеличиваю картинку пальцами. И замираю. На скриншоте, на месте отправленного Ирой сообщения, чёрным по белому написано: «завтра к 8:15 НЕ ОПАЗДЫВАЕМ!!!»

Никакой явки. Три восклицательных знака. Всё как положено. Я закрываю картинку, открываю снова. Текст обычный. Волосы на затылке начинают неприятно шевелиться. То есть я своими глазами видела одно, сфотографировала это, а на фото оказалось другое?

Я опускаю телефон на стол. Ладно. Это уже не просто сбрендивший блендер и усталость.

***

Дети наконец спят. Это очень чувствуется по тишине в квартире. Никаких «маааам, я пить хочу», никаких шаркающих шагов, никаких внезапных вопросов из темноты про смысл жизни. Я закрываю дверь в ванную, щёлкаю задвижкой и впервые за день оказываюсь одна. По-настоящему одна. Единственное место в доме, где я принадлежу только себе.

Я стою под горячим душем дольше, чем нужно, словно можно простоять так достаточно долго, и весь этот сумасшедший день сам отвалится кусками, как засохшая грязь. Смыть гул в ушах, родительский чат, конверт на дне помойки и эту дурацкую воронку в блендере. Смыть липкое чувство, что всё летит в тартарары. Всё в канализацию.

Вода стекает по плечам, я закрываю глаза, и на пару минут становится легче. Есть только шум воды, пар и тепло. Вот это — понятное. Настоящее.

Я выключаю воду, открываю глаза и тянусь за полотенцем. И в этот момент рука застывает в воздухе. На запотевшем зеркале, прямо напротив моего лица, проступают буквы. Ровные. Чёткие. Как будто их не пальцем по конденсату выводили, а аккуратно напечатали изнутри стекла.

«Мы ждали вас».

Сердце бухает куда-то в желудок, а ладони мгновенно становятся ледяными. Я вцепляюсь мокрыми руками в край раковины так, дыхание спирает. Господи. У меня едет крыша. Я доработалась. Допилилась своих ногтей до галлюцинаций.

Ужас накатывает такой волной, что у меня подкашиваются ноги. Если я сейчас сойду с ума, если меня заберут в дурку — кто будет поднимать девчонок? Кому они нужны, кроме меня? Бывшему, который про них вспоминает раз в полгода?!

— Нет, нет, нет! — шепчу я вслух, голос срывается на сип.

Я хватаю сухое полотенце и начинаю яростно, со всей силы тереть зеркало. Тру так, словно хочу пробить стекло насквозь. Стереть эти буквы, этот пар, это сумасшествие, вычистить всё до скрипа, чтобы ничего не осталось! Стекло жалобно скрипит под махровой тканью. Пар исчезает.

Я останавливаюсь, тяжело дыша, прижимая полотенце к груди. Зеркало чистое. Оттуда на меня смотрит бледная, насмерть перепуганная женщина с мокрыми волосами, прилипшими к лицу. Глаза дикие.

Слава богу. Показалось. Просто показалось. Я судорожно сглатываю ком в горле и моргаю.

И тут же, прямо на моих глазах, на новом тонком слое пара, который мгновенно оседает на холодном стекле из влажного воздуха, фраза проступает снова. С той же машинной ровностью. На том же самом месте.

«Мы ждали вас».


МЫ ЖДАЛИ
ВАС
Ninel Anders

Глава 5. Игнор — тоже стратегия

Меня будит не будильник, меня будит жизнь.

— Ма-а-ам, где мои штаны?! — голос Вали из коридора звучит так, словно если их не найти прямо сейчас, рухнет мир.

Открываю один глаз. Потолок на месте. Уже хорошо. Лежу пару секунд, прислушиваюсь. Никаких горящих надписей на обоях и странных звуков. Прекрасно. Значит, я пока не сошла с ума. Всё хорошо. Если, конечно, не считать пропажи века.

— В шкафу! — отвечаю, не поднимаясь. — На твоей полке!

— Там нет!

— Значит, ищи лучше!

С кухни доносится грохот сковородки, а следом — запах чего-то стремительно чернеющего. Лера. Я подрываюсь с кровати, накидываю халат и бегу на кухню.

— Мам, она сама сгорела, — с порога заявляет старшая, тыкая лопаткой в нечто, бывшее когда-то глазуньей.

— Ясно. Яичница-гриль, — вздыхаю я, открывая окно, чтобы выпустить сизый дым. — Ешьте хлопья с молоком. Я не ресторан, переделывать некогда.

Лера смотрит на коробку с хлопьями так, будто я предложила ей пожевать картон.

— А можно что-то другое?

— Можно. В школьной столовой, после второго урока, — отрезаю я.

На автомате собираю волосы в пучок, и бегу умыться. Ванна выглядит абсолютно обычно, и это прекрасно.

Когда возвращаюсь на кухню, чайник щёлкает, я заливаю кипятком свою растворимую бурду, которую по утрам называю кофе, и сажусь на край табуретки. Кофе горячий. Адекватный. Не мигает и не оставляет мне посланий на дне кружки. Это сейчас самое важное.

Валя шлёпает на кухню, сонно шаркая пятками по линолеуму, и я машинально опускаю взгляд на её ноги. На правой — ядовито-жёлтый носок с авокадо, на левой — тёмно-синий, в белую крапинку.

— Это у нас теперь новый стиль такой? — спрашиваю я, привалившись к столешнице со своей кружкой.

— Я не нашла второй, — зевает она во весь рот и плюхается на табуретку, поджимая ноги под себя. — Жёлтый лежал под диваном, а синий в пододеяльнике запутался. Они оба чистые, мам, честно!

— Значит, ты теперь дизайнер. Концептуальный.

Валя кивает с серьезностью, и решительно притягивает к себе глубокую миску.

Коробка с сухим завтраком жалобно шуршит. Мелкая щедро сыплет хлопья с горкой — пара кругляшей весело отскакивает от бортика и укатывается под солонку. Затем обеими руками берется за открытый пакет с молоком, старательно прицеливается, высунув от усердия кончик языка, и заливает миску до самых краёв, пока хлопья не начинают тихо потрескивать и всплывать.

Зачерпнув ложкой добрую половину порции, Валя отправляет её в рот и сосредоточенно жуёт, щурясь от утреннего света в окне.

— Вкусно? — хмыкаю я, глядя на это кулинарное пиршество.

— Нормально, — бормочет она с набитыми щеками. — Только молоко холодное.

— Зато быстрее проснёшься. Давай, жуй бодрее, пять минут на всё про всё.

Руки привычно намыливают губку, смывая жир, а в голове уже отсчитывает секунды внутренний таймер: домыть, вытереть руки о кухонное полотенце, проверить сменку, вытол-

кать обеих в подъезд, добежать до студии. И желательно не опоздать к первой клиентке, которая терпеть не может ждать.

Всё как всегда. Движение лечит любые нервы. Это мой проверенный метод: чем меньше думаешь и прислушиваешься ко всяким дурным мыслям — тем проще жить. Меньше рефлексии, больше дела.

— Так, дамочки, время! На выход! — командую я, перекрывая воду.

В прихожей мгновенно начинается броуновское движение: хлопают дверцы шкафа, шуршат болоньевые куртки, кто-то роняет металлическую ложку для обуви. Я сканирую пространство: сумка, куртка, ключи, связка от студии, телефон. Всё в карманах.

— Рюкзаки взяли?

— Да.

— Сменку?

— Да.

— Шапки натянули?

— Ма-а-ам, тепло же!

— Натянули, я сказала.

Выставляю девчонок на лестничную клетку и выхожу следом. Железная дверь захлопывается, поворачиваю ключ, потом привычно дёргаю за ручку. Раз. Другой.

Обычная холодная ручка. Обычная облупленная дерматиновая обивка. Никакой мистики, никаких скрытых смыслов. Просто старая панельная многоэтажка и пасмурное утро рабочего дня.

И я принимаю очень простое, но жизненно важное решение: мне некогда сходить с ума. У меня двое детей, аренда и плотная запись до самого вечера. Так что ноги в руки — и вперёд.

***

Подхожу к студии. Ключ в замок, двойной щелчок, толкаю дверь плечом, потому что руки заняты пакетом с рабочими расходниками. Шагаю внутрь, щёлкаю выключателем — белый свет привычно заливает мой маленький кабинет.

Ставлю пакет на стул, и в этот момент за спиной раздаются тихие шаги. Я резко оборачиваюсь.

В дверях стоит мужчина. Высокий. Одежда тёмная, качественная, сидит как влитая. Он бесшумно проходит мимо меня и уверенно садится за мой стол, прямо в кресло клиента. Спину держит идеально ровно.

Я стою у порога и моргаю.

— Так. Не поняла, — выдаю я, машинально прикрывая за ним дверь.

Первая мысль — налоговая. Пришли с контрольной закупкой. Вторая мысль — чья-то невеста записала своего сурового мужика на мужской маникюр перед свадьбой, а он теперь сидит и всем своим видом показывает, как он это дело презирает.

Я подхожу к столу, всё ещё не снимая куртку. Лицо у него резкое, без грамма мягкости. Не то чтобы журнальный красавчик, но взгляд цепляется — в нём какая-то опасная, тяжёлая геометрия. И смотрит он на меня так, будто я ему что-то должна. Не как клиент. И даже не как инспектор.

— Вы по записи? — спрашиваю, включая вытяжку. Тон получается рабочий, это спасает. Если я сейчас начну паниковать — будет хуже.

Мужчина поднимает на меня глаза. И от этого взгляда становится откровенно не по себе.

— Марина, — говорит он без приветствия. Голос глубокий, словно вибрирует где-то под полом.

— Уже напрягает, — отвечаю я. Скидываю куртку на крючок и сажусь напротив. — Если вас жена на маникюр записала, а вы не хотите, так и скажите. Я отменю, штраф за прогул брать не буду. У меня через десять минут девушка на наращивание придёт по предоплате.

Он никак не реагирует. Вообще.

— Вам нужно пойти со мной, — произносит он так твёрдо, что у меня внутри неприятно холодеет.

Смотрю на него. Потом опускаю взгляд на его руки, спокойно лежащие на моей подушечке.

— Куда?

— Вас вызвали.

Я машинально тянусь и беру его кисть в свою. Просто беру, потому что это жест из моей нормальной, понятной реальности. Профдеформация: если передо мной руки — я их оцениваю.

Пальцы длинные, мужские, идеальные. Ногти аккуратные, кутикула безупречная. Ни единой заусеницы, ни намёка на сухость, словно этот человек никогда не мыл посуду руками и не таскал пакеты из супермаркета. Я машинально провожу большим пальцем по его боковому валику.

И вдруг чувствую, как от этого мимолётного прикосновения, от тепла его сухой, твердой кожи, по моей руке вверх, прямо к шее, бегут колючие мурашки. Сердце делает кульбит в груди.

Я тут же злюсь на себя за эту дурацкую, неподконтрольную реакцию уставшей разведёнки на красивого мужика. Резко отпускаю его руку, словно обожглась, и достаю из лотка первую попавшуюся пилку.

— Меня вызывают максимум в школу, — говорю я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — И то заранее пишут в чат.

Он не отдёргивает руку. Даже не шелохнулся.

— Вы уже начали, — спокойно продолжает он. — Вы видели знак.

Пилка в моих руках замирает. В памяти мгновенно вспыхивает белая воронка в блендере и буквы на запотевшем зеркале. Но я включаю броню. Я не буду в это играть. У меня ипотека.

— Я вижу много чего за день. Люди, ногти, иногда дикие цвета, которые просят скомбинировать. Это не повод куда-то с вами идти.

— Вы привыкли держать всё под контролем. Это не получится. Это небезопасно.

Я смотрю ему прямо в эти его невыносимо тяжёлые, немигающие глаза.

— Опасно — это когда клиентка сдирает гель-лак пластами вместе с верхним слоем ногтя, — чеканя слова, отрезаю я. — А потом приходит ко мне и жалуется, что у неё всё болит. Вот это — проблема. А вы — нет.

Он молчит и смотрит, словно ждёт, когда эта моя защитная болтовня закончится. И это бесит ещё сильнее. Бесит, что он такой непробиваемо спокойный, а у меня пальцы после его прикосновения до сих пор странно покалывает.

Я демонстративно смотрю на часы.

— Слушайте, мужчина. У меня запись. Если вы не собираетесь делать ногти — освобождайте место. Через восемь минут тут будет сидеть человек. А потом ещё один, и ещё.

— Вам назначено время, — повторяет он, и в голосе проступает что-то вроде низкого, раскатистого предупреждения. — Вы не понимаете последствий.

Я наклоняюсь чуть ближе, опираясь руками о край стола.

— Я понимаю неоплаченные счета по коммуналке. Вот это — последствия. А ваши фокусы пусть приходят после восемнадцати ноль-ноль. У меня тогда окно.

Кажется, я всё-таки ввела его в ступор. Он смотрит на меня так, будто я должна была упасть перед ним на колени от ужаса, а вместо этого требую освободить стул. Он плавно, как большая хищная кошка, поднимается из кресла.

— Это не остановится, — говорит он сверху вниз.

— Отлично. Запишитесь онлайн, ссылка в шапке профиля, — отчеканиваю я.

Мужчина разворачивается и идёт к выходу. Я смотрю в его широкую спину, пока он открывает дверь. Она закрывается за ним беззвучно. Я сижу пару секунд, тупо глядя на пустое место. Потом судорожно хватаю спиртовую салфетку, начинаю яростно тереть стол, свои руки, пилку.

И тут яркий белый свет от лампы над столом вдруг плавно, сам по себе, уходит в тёплый, почти жёлтый оттенок. Я зажмуриваюсь. Ну конечно. Просто чудесно.



Глава 6. Сервис с побочными эффектами

Я выразительно смотрю на лампу-предательницу, потом отвожу взгляд. Если я сейчас начну бегать вокруг штатива и выяснять, почему техника ведёт себя как живая, рабочий день можно официально хоронить.

Мне не до этого. Точно. У меня клиентка через три минуты, и если поддаться панике, останется только закрыть кабинет на ключ и идти сдаваться врачам с диагнозом «переутомление».

Дверь распахивается резко, без стука.

— Здравствуйте! Я не опоздала? — голос звенит от напряжения.

В кабинет влетает дама лет сорока. Идеальная укладка, в руках безумно дорогая сумка, строгий брючный костюм по фигуре — и я готова спорить, что сшит он на заказ. Она не идёт, а чеканит шаг, на ходу стягивая пальто. Типичная деловая женщина, у которой день расписан по секундам.

— Здравствуйте, — киваю, натягивая дежурную улыбку. — Проходите, располагайтесь. Она падает в кресло напротив, выкладывая руки на валик. Пальцы нервно барабанят по столу.

— Сразу предупреждаю, у меня в обрез времени, — заявляет она, бросая взгляд на часы. — Через сорок минут важный созвон, а вечером презентация. На руках тихий ужас. Мне нужно всё снять и сделать сдержанно, но статусно. Тонкий градиент, сияние изнутри, сложная графика. Только без цыганщины. Мы успеем за час?

Я смотрю на её руки. Форма хорошая, но на двух пальцах покрытие содрано с мясом — явно ковыряла на нервных совещаниях. Фронт работ на полтора часа, а она требует сложный дизайн за тридцать минут. В обычный день я бы вежливо объяснила, что чудес не бывает. Но сейчас у меня тупо нет моральных сил спорить. Дурацкий страх, что если она сейчас встанет и уйдет, тот мужчина немедленно вернется.

— Сделаем, — нагло вру я уже предчувствуя разгромный отзыв и, включаю вытяжку. — Только расслабьте кисть, иначе фреза соскочит.

Начинаю работать. Первым делом снимаю прошлое покрытие, прохожусь фрезой, ровняю валики. В привычном шуме аппарата мысли перестают крутиться в голове. Можно даже поверить, что странный мужик и ожившая лампа — это просто плод моего недосыпа.

Наношу базу, сушим. Беру тонкую кисть-нулёвку и палитру. Обычно на геометрию уходит куча сил: нужно затаить дыхание, упереть локоть в стол, вести линию медленно, молясь, чтобы рука клиентки не дрогнула. А тут ещё и градиент...

«Вот бы эта линия сама легла потоньше и ушла плавной дугой», — проносится в голове усталая мысль.

Я едва касаюсь кистью ногтя. И тут начинается нечто невообразимое. Кисть словно оживает! Она подхватывает моё движение и ведёт его с такой нечеловеческой лёгкостью, будто я рисую невесомым пером. Волосок скользит сам, оставляя за собой безупречную, идеально ровную графитовую паутинку. Ни одного затёка! Я только успеваю подумать: «А сюда бы каплю мерцания, чтобы играло на просвет…» — как шиммер сам собой собирается в потрясающий, живой градиент.

У меня перехватывает дыхание. По пальцам бежит острая, горячая волна. В груди вспыхивает давно забытый, почти щенячий восторг. Мне не нужно горбиться, ломая спину над каждым миллиметром! Не нужно переделывать заплывшие углы! Идеальная форма рождается от одного моего взгляда.

Это не просто красиво — это восхитительно. Внутри разливается чистое, пьянящее торжество. Вот оно! Настоящее волшебство! Мне хочется смеяться от этого чувства абсолютной свободы творчества. Я могу сделать на этих ногтях вообще всё!

— О боже… — выдыхает клиентка, глядя на свои руки. — Как… как вы это делаете? Это же ювелирная работа…

В этот момент резкий трезвон мобильного прорезает тишину кабинета. Я вздрагиваю всем телом, чуть не выронив кисть. Словно меня поймали с поличным. На экране высвечивается: «Валюша».

— Извините, секунду, — торопливо бросаю я, зажимая телефон между ухом и плечом. — Мам! — в трубке раздаётся жалобный, готовый сорваться в рёв голос младшей. — У меня гелевая ручка в портфеле потекла! Все руки синие, дневник в кляксах! Чем её отмыть, мне сейчас сдавать?!

Детский испуганный голос моментально выдёргивает меня из сладкого морока, окатив ледяной водой. Эйфория испаряется в секунду.

«Так, Марина, тормози! — бьёт набатом отрезвляющая мысль. — Чему ты радуешься?! Сегодня ты кайфуешь от того, что лак сам ложится, а завтра с катушек слетишь и детей забудешь? Если тебя унесёт и ты загремишь в психушку, кто им сопли вытирать будет и дневники отмывать?!»

— Так, котёнок, дыши, — говорю я в трубку максимально строгим, земным голосом. Руки ещё немного дрожат. — Ничего страшного. Иди в туалет, намыль руки. Дневник перетерпит, скажи учителю правду. Вечером дома оттрём пенал. Всё, беги на урок.

Я кладу телефон экраном вниз. Делаю глубокий вдох. Земля под ногами. Работа. Дети. Ипотека. Никаких полётов в астрал.

Возвращаю взгляд к ногтям клиентки. И прямо под слоем идеального глянца, в центре узора, на секунду вспыхивает тот самый светящийся геометрический знак. Горит миг — и растворяется.

Клиентка вздрагивает. Её напряжённые плечи плавно опадают. Лицо расслабляется, морщинка между бровей разглаживается, а губы трогает блаженная улыбка.

— Мне… так хорошо, — шепчет она медленно, словно засыпает. — Так спокойно. Никаких списков, никаких отчётов… пустота.

— Конечно. У нас тут расширенный сервис, — сухо отвечаю я и быстро наношу топ, перекрывая всю эту чертовщину.

Когда лампа гаснет, дама подносит руки к лицу. Ногти выглядят безупречно. Она расплачивается, не глядя на сумму, сердечно благодарит меня чуть ли не со слезами на глазах и плывущей, абсолютно расслабленной походкой выходит в коридор.

Дверь закрывается. Я остаюсь одна. Смотрю на свою ладонь. Кожу на подушечках пальцев всё ещё слабо покалывает. Я сжимаю руку в кулак, бросаю взгляд на часы — до следующей записи три минуты — и твёрдо говорю себе в пустом кабинете:

— Никаких чудес. Дальше я пилю сама.


Ninel Anders

Глава 7. Сначала ужин, потом апокалипсис

Я смотрю на часы, пока выравниваю стопку пилок. Без пяти шесть. Отлично, сейчас я спокойно закончу, закроюсь, пойду домой, накормлю дочерей, проверю уроки и забуду про весь этот дурдом… как про неудачный сериал, который случайно включила и сразу выключила.

Провожу пальцами по краю пилок ещё раз, хотя они уже лежат ровно — просто чтобы чем-то занять руки и не думать лишнего. Телефон вибрирует.

Валя:*«мам ты где я есть хочу»*

Усмехаюсь. По крайней мере, в этом мире есть вещи, которые работают стабильно. Я:*«через час буду»*

Я: «суп в холодильнике, разогрей»

Откладываю телефон и возвращаюсь к столу. Начинаю сбрасывать в тяжёлый рабочий бьюти-кейс инструменты: кусачки, фрезы, базы, пару ходовых цветов и лампу. Обычно я не таскаю это домой, но Танька с пятого этажа слёзно умоляла вечером нарастить ей сломанный ноготь, а живая тысяча рублей мне сейчас вообще не лишняя. Немного подумав перекладываю туда мелочи из основной сумки, заодно проверив кошелек, туда же летит косметичка, чтобы не тащить все в двух руках.

Часы тикают. Шесть ноль-ноль. И в ту же секунду воздух в кабинете вдруг становится густым и тяжёлым. Как перед сильнейшей грозой, когда аж дышать трудно.

Свет от лампы над столом начинает бешено мерцать. Белый. Жёлтый. Снова слепящий белый. Флаконы с гель-лаками на столе вдруг мелко, противно дребезжат, сталкиваясь стеклянными боками. Я отшатываюсь, прижимая руки к груди.

Дверь кабинета резко распахивается. На пороге стоит он. Тот самый утренний визитёр в тёмном. Только сейчас он не выглядит непробиваемо-спокойным. Он смотрит на мерцающую лампу, на дрожащий стол, потом переводит тяжёлый взгляд на меня.

— Прорыв начался быстрее, чем мы рассчитывали, — говорит он, делая шаг внутрь. Голос звучит как раскат грома. — Вы не удержите это. Вам нужно пойти со мной прямо сейчас, иначе…

— Стой там! — вскрикиваю я, пятясь к стене.

Паника бьёт по нервам ледяным хлыстом. Если эта чертовщина начала вырываться наружу прямо здесь, круша всё вокруг — то что будет дальше? А вдруг это привяжется ко мне? А у меня там девочки! Одни дома!

— Не подходите ко мне! — я рывком хватаю со стула куртку и свой тяжёлый чемодан с инструментами.

— Уходите! Оставьте меня в покое!

— Марина, вы не понимаете, это неконтролируемый…

— Пошёл вон! — ору я так, что сама пугаюсь своего голоса.

Я выскакиваю в коридор, едва не сбив его с ног, дрожащими руками дважды проворачиваю ключ в замке и бегу к выходу из здания. Сердце колотится в горле. Скорее. Только бы добежать домой. Только бы с детьми всё было нормально.

***

Дома шумно. Никаких катастроф и мистики. Просто обычный вечер, в котором каждый занят своим. Лера что-то бубнит себе под нос в своей комнате, делая уроки, Валя шуршит рядом на кухне, с грохотом открывая и закрывая холодильник. Периодически хлопает дверца, звенят тарелки. И этот привычный, бытовой шум сегодня работает как лучшее успокоительное. Всё нормально. Мой дом. Моя крепость.

Я ставлю тяжёлый рабочий чемодан на стул у стола, скидываю куртку и выдыхаю. Всё под контролем. Выудив из холодильника сырок, Валя ушлёпывает в комнату, а я включаю кон-

форку, ставлю кастрюлю для макарон и тянусь к крану. Быстро споласкиваю руки, поворачиваю вентиль.

Вода продолжает течь. Я замираю. Не дёргаюсь. Просто стою и смотрю. Снова берусь за вентиль, кручу его до упора. Вода течёт. Напор становится только сильнее.

Внутри всё обрывается. Липкий, холодный ужас ползёт по спине. Только не здесь. Господи, пожалуйста, только не в моём доме.

— Нет… — шепчу я.

По привычке бросаю взгляд в маленькое зеркало, которое висит на стене у раковины. И цепенею. Отражение не совпадает со мной. Я стою неподвижно, а женщина в зеркале — бледная, с дикими глазами — медленно поднимает руку. Словно живёт своей, отдельной жизнью.

В горле встаёт ком, перекрывая кислород. Это не галлюцинация. Это какой-то оживший кошмар. Я резко тянусь ладонью и стираю выступивший на зеркале пар, желая разбить это стекло к чертям собачьим. Но прямо под моими пальцами на поверхности мгновенно проступает он. Светящийся геометрический знак. Яркий, как клеймо.

Температура на кухне резко падает. Изо рта вырывается облачко пара. Я делаю шаг назад. Отражение в зеркале исчезает вообще. Поверхность становится чёрной, как бездна. Глубокой, пустой и пульсирующей. И из этой бездны вдруг начинает тянуть как из разгерметизированного самолёта. Невидимая сила тянет меня назад, прямо в этот чёрный провал.

— Мам? — Валя. Она идёт на кухню. Маленькая, в своей дурацкой пижаме с зайцами, сонная и беззащитная.

Сердце внутри падает куда-то в бездну и разлетается в пыль. Если её зацепит… Если эта чёрная, пульсирующая воронка вырвется из зеркала в коридор и затянет её…

— Стой там! — ору я диким, нечеловеческим голосом, срывая связки до хрипа, пытаясь перекрыть внезапно взревевший гул воды. — Валя, не смей заходить на кухню! Назад, я сказала! Беги к Лере! Наза-а-ад!!!

Водаиз раковины больше не плещет вниз — она с шипением закручивается жгутом и начинает хлестать вверх, ударяясь прямо в побеленный потолок. Кухонные полотенца, салфетки, пустой пакет от хлеба со стола — всё с воем срывается с мест и устремляется к чёрному стеклу над раковиной, словно в разгерметизированный люк.

Воздух выбивает из лёгких. Меня дёргает с такой чудовищной, слепой силой, что пятки отрываются от пола. Я выбрасываю руки вперёд, сбивая локтями солонку, и мёртвой хваткой вцепляюсь в закруглённый край кухонной столешницы.

Пальцы предательски соскальзывают по гладкому, замызганному пластику. Острая, пульсирующая боль простреливает руку до самого плеча, от неё темнеет в глазах, но я даже не взвизгиваю. Какая к чёрту боль, когда за спиной хлопает дверь!

— Мамочка?!

Валя замирает в дверном проёме. Её огромные, круглые от ужаса глаза расширены на пол-лица, в них уже блестят крупные, готовые брызнуть слёзы. Нижняя губа трясётся. Она видит меня — растрёпанную, висящую почти горизонтально в воздухе, видит летящую в потолок воду и этот адский чёрный провал вместо стекла.

Тяга становится невыносимой. Меня буквально сдирает со стола, пальцы разжимаются против моей воли. В последнее, отчаянное мгновение я судорожно вытягиваю левую руку, слепо шаря в воздухе, и пальцы впиваются в единственное, что оказывается рядом — в ручку моего рабочего чемодана, стоявшего на стуле. Металлические заклёпки впиваются в ладонь.

— Валя, беги к се…! — выкрикиваю я в последний раз, захлёбываясь ледяным сквозняком.

И мир выключается.

Сначала глохнет звук. Исчезает отчаянный, тоненький крик дочки, шум летящей воды, гудение старого холодильника — всё обрубается в звенящую, абсолютную тишину. Затем гас-

нет свет. Кухня, желтоватые обои в цветочек, белая дверь — всё растворяется, словно смытое ацетоном.

Меня с головой затягивает в удушающую, вязкую тьму. В ней нет ни верха, ни низа, ни пола, ни стен. Время ломается. Есть только промозглый, колющий холод, тошнотворный свист в ушах и дикая, бьющая набатом боль.

Удар.

Я со всего маху врезаюсь коленями в камень. Ледяной, шершавый, неровный пол отзывается тупой болью в чашечках, отдаваясь звоном в зубах. Я сгибаюсь пополам, утыкаясь лбом в холод, и судорожно, со всхлипом хватаю ртом воздух. Воздух чужой — колючий, пахнущий какой-то вековой, склеповой пылью, от которой першит в горле.

Пальцы правой руки свело судорогой. Я смотрю вниз мутным от слёз взглядом: пальцы побелели, впившись в потёртую кожу чемодана с пилками и базами. Словно эта дурацкая сумка могла удержать меня дома.

Трясясь крупной, неуправляемой дрожью, я с трудом отрываю голову от пола.

Это не кухня. Это не моя квартира. Это не мой дом.

Вокруг вздымаются, теряющиеся во мраке своды из грубого тёмно-серого камня. Ни обоев, ни шкафчиков с крупами, ни детских рисунков на магнитах. Пустота. Каждое моё хриплое дыхание отдаётся тихим, страшным шелестом где-то под невидимым потолком.

И в эту секунду внутри меня словно натягивается и со звоном лопается последняя струна. В груди всё сворачивается в ледяной, раздирающий ком.

— Дети… — хриплю я в пустоту, и собственный голос кажется плоским, чужим. — Лера… Валюша…

Тишина.

Никакого привычного топота маленьких ног. Никакого «мам, а где мои носки?». Никакого ворчания старшей из-за незаряженного телефона. Ни телевизора, ни чайника. Никого. Меня просто выдернули, как сорняк из земли, и швырнули сюда. Оторвали от них. Бросили Валю одну перед этой чертовщиной.

Горло перехватывает спазмом. Горячие, злые слёзы мгновенно застилают глаза, обжигая щёки. Из груди рвётся вой — звериный, материнский вой паники, от которого хочется царапать ногтями этот проклятый камень.

«Нет. Не смей. Не смей раскисать!» — бьёт по щекам спасительная ярость. Если я сейчас упаду и завою, я точно сдохну здесь, а они останутся там одни. Без денег, без меня, с распахнутой дверью и потопом на кухне.

— Так, — говорю я себе вслух. Голос дрожит, срывается на сип, но я упрямо упираюсь здоровой ладонью в шершавые плиты и, покачиваясь, поднимаюсь с колен. Ноги ватные, колени горят, сорванный палец пульсирует кровью, пачкая джинсы. — Нет. Сил моих нет на эту сказку. Нет-нет-нет. Мне надо обратно. Слышите вы там, уроды?! Прямо сейчас! Пустите меня домой!

И тут сзади, выкатываясь из каменной пустоты, раздаётся негромкий, глубокий голос. Уверенный, ровный, от которого ещё утром в кабинете у меня вставали дыбом волоски на шее:

— Вы не должны были переместиться самостоятельно.

Слёзы высыхают сами собой, выжженные бешеной, поднимающейся со дна души яростью. Паника отступает, освобождая место чистому бешенству загнанной в угол матери. Я закрываю глаза на одну короткую секунду, судорожно сглатываю ком в горле, сжимаю кулак, и резко разворачиваюсь к нему.


Ninel
NAILS

Глава 8. Переход оформлен неправильно

Я резко разворачиваюсь к нему.

Это он. Тот самый мужчина из моего кабинета. Стоит в нескольких шагах: высокий, собранный, в своей тёмной одежде с застёгнутыми манжетами. И смотрит так спокойно, будто я не вывалилась только что из собственной жизни в этот каменный мешок, а просто опоздала на приём.

Но у меня нет времени на его невозмутимость. У меня там Валя плачет перед чёрной дырой!

Я бросаюсь обратно, туда, где должна быть моя кухня. Бью свободной ладонью по глухой, шершавой каменной стене. Раз, другой, отбивая кожу в кровь.

— Где дверь?!

Камень глухо отзывается холодом.

Господи. Телефон! Я бросаю свой чемодан на пол и трясущимися, перемазанными кровью пальцами лезу в карман джинсов. Выхватываю мобильник. Экран загорается привычным светом, но в левом верхнем углу — предательский крестик. Нет сети.

— Нет, нет, нет, пожалуйста… — шепчу я, чуть не роняя аппарат. Пальцы не слушаются, но я открываю соседский чат и лихорадочно, с опечатками вбиваю: *«Лена, срочно сбегай ко мне!! На кухне плита включена, девочки одни!!»*

Жму «отправить». Рядом с зелёным пузырём сообщения появляются маленькие серые часики. Одно мгновение. Второе. Сообщение не уходит. Оно висит в этой каменной пустоте вместе со мной.

Меня прошибает ледяным потом. Вода. Газ. Плита! Я роняю телефон, разворачиваюсь и кидаюсь на этого истукана. Я не помню, как сокращаю расстояние, просто с размаху вцепляюсь обеими руками в идеальные лацканы его пиджака, пачкая дорогую тёмную ткань своей кровью.

— Там газ на плите! — ору я ему прямо в лицо, тряся его изо всех оставшихся сил. — Там вода льётся! У меня Валя за дверью! Верните меня сейчас же! Слышишь ты?! Верни меня моим детям!

Он не отшатывается, лишь делает быстрое, неуловимое движение, и его сильные, горячие пальцы жёстко, но без боли перехватывают мои запястья. Он фиксирует мои руки так, что я не могу даже дёрнуться.

— Успокойтесь, — его голос звучит низко и ровно, перекрывая мою истерику. — Пожара не будет. В момент схлопывания перехода выброс энергии полностью гасит открытый огонь и перекрывает кислород в точке отрыва. Ваша кухня не сгорит. Меня зовут Кайрен. И сейчас вы должны меня выслушать.

Я замираю, тяжело и со всхлипами хватая ртом воздух. Смотрю в его тяжёлые, немигающие глаза.

— А Валя?.. — выдыхаю я, и голос срывается на жалкий, тонкий писк.

— Дети не пострадали, — твёрдо чеканит Кайрен. — Они остались в вашем мире. Переход зацепил только вас, потому что источником нестабильности были вы.

Он медленно, давая мне время осознать, разжимает пальцы и отпускает мои запястья.

Я делаю неверный шаг назад, упираясь лопатками в холодную стену, и сползаю по ней, обхватывая плечи дрожащими руками.

— Верните меня, — это уже не крик. Это мольба. Обычная, бабья мольба. — Кайрен, или как вас там... Пожалуйста. У них никого нет, старшая еще подросток, они же там с ума сойдут от ужаса. Верните меня домой.

Он смотрит на меня сверху вниз, и в его лице нет ни жестокости, ни насмешки. Только сухая, железобетонная данность.

— Прямой возврат сейчас невозможен.

— Почему?!

— Ваш отклик вырвался из-под контроля. Это был самопроизвольный, рваный переход. Если я попытаюсь открыть границу и втолкнуть вас обратно прямо сейчас, вас просто разорвёт на части от физического перепада. Убьёт.

У меня внутри всё обрывается и летит в бездну. Разорвёт. Я смотрю на свои руки, на брошенный телефон на полу. В голове бьётся только одна страшная, сводящая с ума мысль: Лера и Валя одни в квартире. Воды по щиколотку. Мать исчезла на их глазах.

— И что мне делать? — хриплю я.

— Пройти первичную стабилизацию. Мы должны закрепить ваше состояние, удержать вас здесь без риска повторного срыва. Только после этого можно будет обсуждать безопасный возврат.

— Это долго? — я цепляюсь за его слова, как утопающий за доску. — Час? Сутки? Мне дочерей в школу утром собирать!

— Я не могу назвать точный срок.

— Конечно, — горько усмехаюсь я, вытирая мокрые щёки тыльной стороной ладони, размазывая кровь и слёзы. — Зато вы всё знаете про стабилизацию. Сначала ломаете человеку жизнь, выдираете его из дома, а потом диктуете инструкции.

— Я вас предупреждал, Марина, — его голос становится чуть строже. — Ещё днём в кабинете. Я говорил, что это не остановится и что вам нужно пойти со мной. Вы отказались. Выбор остаться привёл к неконтролируемому прорыву.

Слова причиняют боль, потому что он прав. Предупреждал. А я отмахнулась, спряталась за своим расписанием, побежала пилить ногти и варить макароны. И вот результат.

Я отрываю спину от стены. Наклоняюсь, подбираю с пола телефон с так и не отправленным сообщением Лене, сую его в карман джинсов. Потом беру свой рабочий чемодан за тяжёлую ручку. Он оттягивает плечо, но его привычный вес сейчас — единственное, что связывает меня с нормальностью. Мои пилки. Мои базы. Моя земная, понятная жизнь.

Кайрен молча ждёт. Выбор у меня не между «хочу» и «не хочу». Выбор у меня между тем, чтобы устроить бесполезную истерику в этом каменном склепе, и тем, чтобы стиснуть зубы и выжить ради своих девочек. Орать бессмысленно. Бросаться на стены — тем более. Я ничего не смыслю в их магии. Если этот Кайрен — мой единственный билет обратно к кухонной плите и детским пижамам, значит, я пойду за ним.

Меня не сломали. У меня дома двое детей, к которым нужно вернуться любой ценой. И я вернусь. Даже если для этого придётся пройти их чёртову стабилизацию.

— Идём, — говорю я глухо, выпрямляясь. — Но запомните одну вещь.

Кайрен чуть склоняет голову, ожидая.

— Я не смирилась и не согласилась на ваши правила, — я смотрю ему прямо в глаза, не моргая. — Я иду только потому, что мне надо к дочкам. Ведите.

Он не спорит. Просто разворачивается и негромко произносит:

— За мной.

Мы идём по длинному, бесконечному коридору. Вокруг ни души. Стерильный, мёртвый, чужой мир, в котором нет места разбросанным носкам, подгоревшим тостам и школьным чатам. Я иду чуть позади, до белых костяшек сжимая ручку чемодана, и всю дорогу твержу про себя, как заведённая, только одно:*«Лера, Валя, солнышки мои… только дождитесь меня. Пожалуйста, дождитесь».*



Глава 9. Коррекция внешности без согласования

Мы идём дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.